

ВАДИМ ПАНОВ

kamataYan

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П16

Разработка серийного оформления *М. Коняевой*
Оформление обложки *А. Ивановой*

Панов, Вадим Юрьевич.
П16 Аркада. Эпизод первый. kamataYan / Вадим Панов. —
Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-101138-3

Нет, это не фантастика. Искусственные продукты, ДНК-модифицированные вирусы, очки дополненной реальности, поголовное внедрение чипов, безошибочно идентифицирующих каждого жителя Земли — мы знакомы с этими технологиями, называем их достижениями и не задумываемся над тем, как они могут быть использованы. Потому что страшно задумываться над тем, что технологии не только делают нашу жизнь комфортнее и лучше, но и убивают.

«kamataYan» — это не роман-предупреждение, а проза завтрашнего дня. Головокружительный триллер о борьбе за власть, свободе и любви. О том, что ожидает наш мир.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101138-3

© Панов В. Ю., 2019
© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Все персонажи вымышленные,
любые совпадения с реальными
людьми и любыми событиями,
имевшими место в действительности,
являются случайными.

Мало кто знает вкус настоящего мяса.

То есть вам кажется, что вы знаете. Что способны с завязанными глазами отличить аргентинскую говядину от американской, а европейскую от австралийской. Вы отрезаете кусочек стейка, внимательно его разглядываете, удерживая на физиономии самодовольное выражение «старого знатока натуральной кухни», тщательно прожевываете, запиваете красным вином и улыбаетесь: «Идеально». Или небрежно замечаете: «Согласитесь, друзья, что австралийский рибай кроет аргентинский, как бык овцу?» И посмеиваетесь. А друзья — такие же снобы — хихикают в ответ. Или заводят спор, отстаивая «любимых» производителей. И вы с друзьями убеждены, что стейк выращен в естественных условиях, на зеленых пастбищах, что будущее мясо питается исключительно зерном, вы верите рекламе, потому что... потому что хотите верить, что чистенькие, только что из душа коровы, радостно мычащие на горном лугу в такт занимательному джинглу, — действительно те самые животные, из которых вам выдрали стейк с кровью. Вы хотите верить рекламе и гоните прочь мысль о том, что ваше мясо никогда не видело солнца, а зародилось и подохло на фабрике, в куче других мычащих тел, жадно глотающих питательную смесь, бесперебойно льющуюся в поилку. Но это — в лучшем случае. А в худшем — вам продадут протеиновый мусор, химически соединенный в цельный, условно съедобный кусок.

Бифштекс, стейк, окорок — всего лишь красивые названия. Раньше я никогда не задумывался над тем, что ем,

а потом оказался на лососевой ферме... Не по своей воле, если вам интересно, — я бежал. Спасался. Идущие по следу охотники пугали меня, неопытного и мало что понимающего, я задыхался от гонки, ставкой в которой была моя жизнь, и с радостью принял предложение друзей укрыться на одной из бесчисленных лососевых ферм Северного моря. Посреди пустого океана.

Пустого — в буквальном смысле.

Ведь мы его сожрали.

Промышленный лов давно стал мифом — он себя не окупает. Рыбы так мало, что не хватает даже хищникам, и все подходящие участки расчерчены шахматными досками ферм, где из патентованных мальков корпорации «Aqua Enterprise» в «естественных условиях» выращивают «полноценную рыбу», с использованием патентованных препаратов питания и ускоренного роста корпорации «Aqua Enterprise»...

Когда я увидел бурлящую по поверхности воды массу толстых рыбьих спин, я улыбнулся. Наверное, это естественно: ведь я впервые оказался на ферме и не понимал, что вижу. Нас, группу только что прибывших работяг, вели по металлическому ходу вдоль бесконечных садков с лососем, я вертел головой, разглядывая то океан, то ферму, и улыбался. Нас было трое таких — новичков рыбного производства, и мы все улыбались. Понимали, конечно, что подписались на собачью работу, но все равно улыбались. Потом переоделись, невнимательно выслушали быструю лекцию о том, чем предстоит заниматься, познакомились с инструкторами и отправились учиться нелегкому делу разделки лососевых туш.

Большая часть операций на ферме автоматизирована, эти участки контролируют операторы-наладчики, однако некоторые работы дешевле выполнять по старинке, нанимая низкоквалифицированных гастарбайтеров, и мои друзья решили, что среди этих работяг я найду идеальное укрытие, потому что в таком дерьме охотники меня искать точно не станут.

Забегая вперед, скажу, что друзья оказались правы: морские фермы преследователи не прочесывали, они и представить не могли, что я добровольно соглашусь отправиться в такую дыру.

Но я очень хотел жить.

И, честно говоря, не знал, что меня ожидает.

Мы занимались первичной разделкой туш. То есть именно первичной: из садков лосось скатывался на металлические столы, и мы кромсали его в строгом соответствии со схемой разделки. Вот тогда я и насмотрелся на чудовищные мутации, которым подвергается рыба под действием «патентованных и безопасных» препаратов корпорации «Aqua Enterprise». Я видел лососей, похожих на змею и на раздутый шар. Покрытых язвами и гниющих заживо. Видел «драконов» — лососей-каннибалов, обладателей ужасных зубов, и двухголовых «близнецов», в два горла кормящих единственное тело. Я видел все возможные мерзости, порожденные скученностью, химией и безумным воспроизводством, и ужасался им. Через пять минут работы меня стошнило в емкость с потрохами — от запаха и того, что я увидел, — но всем было плевать, хотя потроха отправлялись на переработку вместе с отрезанными головами «близнецов» и «драконов», «змеями» и отравленными «шарами» — все измельчалось, перетиралось и превращалось в муку, основу патентованных препаратов «Aqua Enterprise» для лосося из других садков.

Никаких отходов.

Ферма должна приносить прибыль.

Меня мучило от жуткой вони и вида омерзительных мутантов, но я был в безопасности и потому заставлял себя работать — за шесть с половиной кредитов в час. Хотя мог купить эту поганую ферму и все окрестные. Вместо этого я стоял у металлического стола, в чужом резиновом комбинезоне, по колено в зловонной жиже, и распиливал туши.

Напомню: я очень хотел жить.

С трудом дотянув до обеда — меня стошнило еще два раза, — я выскочил из разделочного цеха и долго, с огромным, никогда не испытанным ранее наслаждением, дышал морским воздухом. Дышал глубоко, полной грудью, чтобы выдохнуть, выдавить из себя проникшую внутрь мерзость. Потом гулял вдоль садков — теперь я смотрел на мокрые спины без улыбки и совсем другими глазами, — а вернувшись, застал у дверей цеха инструктора.

— Поешь, — предложил он, покуривая и глядя в сторону далекого берега.

— Не могу. Может, вечером.

— Дотянешь?

— Дотяну.

— Тогда вечером.

На этом разговор должен был закончиться, как и наш короткий перерыв на обед, но я не удержался от вопроса:

— Почему они такие?

Объяснять, кто «они» и что значит «такие», не требовалось: инструктор прекрасно меня понял. И явно ждал вопроса, потому что, услышав его, поморщился и кивнул на ближайший садок:

— Попробуй вырасти в этом дерьме, и посмотрим, как ты будешь выглядеть.

Ответ оказался настолько очевидным, что я не сумел скрыть разочарования:

— Проблема в скученности?

— Не только, — поразмыслив, продолжил инструктор. — Когда морские фермы только появлялись, лососей кормили специально выловленной рыбешкой. Но год от года ее становилось все меньше, и фермы перешли на корма «Aqua Enterprise». Из чего их делают, нам не рассказывают, но мутаций стало намного больше. Ты еще увидишь такое, что спать не сможешь.

— Зачем кормить рыбу дрянью?

— Затем, что океан пуст, — пожал плечами мой собеседник.

— Совсем?

— Почти.

— Но ведь это страшно, — прошептал я.

— Нет, друг мой, гораздо страшнее другое...

— Что? — В следующий миг я подумал, что зря задал вопрос, но потом взял себя в руки и повторил: — Что?

Потому что действительно захотел разобраться.

Я бежал — да, я прятался — да, но еще я познавал мир, открывая его с совершенно новых, до сих пор не известных мне сторон, и потому подтвердил, что хочу слышать ответ.

Он подошел к перилам ближайшего садка, бросил в воду окурок и негромко предложил:

— Назови возраст этой рыбы.

— Представить не могу, — ответил я, разглядывая крупные туши. — Полгода? Год?

Тогда я ничего не знал о лососе, даже сколько он живет.

— Размер рыбы в садке соответствует возрасту трех лет, — ровным голосом сообщил инструктор. — Но ей всего месяц.

— Один месяц?!

— Да.

И я мысленно согласился: это действительно страшно. Сколько химии, гормонов и генетических стимуляторов нужно вкачать в каждую тушу, чтобы она прошла столь долгий путь за один-единственный месяц? Чем ее нужно пичкать?

— И все благодаря препаратам? — сглотнув, спросил я.

— Их два: ускоритель роста и питательная смесь, — ответил мой собеседник, не сводя взгляд с плещущихся в садке рыб. — Но что в них содержится, мы не знаем... никто не знает, кроме «Aqua Enterprise». А еще никто не знает, как они выводят своих мальков и каким генетическим преобразованиям подвергают. Мы видим результат: оборот садка ускорился до одного месяца, что очень хорошо для бизнеса.

Чуть позже я узнал, что рынок морских ферм крепко держат три корпорации: «Aqua Enterprise», «Poseidon Ltd.» и «SH». И все они контролируются одним инвестиционным фондом. То есть ускорители и смеси скорее всего абсолютно одинаковы. Что тоже хорошо для бизнеса, поскольку позволяет сэкономить на разработке.

— Но ведь препараты попадают в океан!

— Верно, — подтвердил мой собеседник.

Просачиваются, постепенно наполняя его бесконечные воды выдуманной людьми дрянью.

— И всем плевать? — У меня непроизвольно сжались кулаки. — Ради прибыли они готовы на все?

— Морские фермы — один из ценнейших источников продовольствия, — ответил инструктор. — Их нельзя остановить, от них нельзя отказаться, а самое главное — они не могут работать с низкой эффективностью. Людям нужна еда, а без

химии и генетических препаратов мы не в состоянии обеспечить себя продуктами. Так что не только ради прибыли...

И я сообразил:

— Ты сказал, что океан пуст?

— Так и есть.

— Почему же никто не задумался над тем, чтобы распылить над ним ускоритель роста?

— Есть ощущение, что уже задумались.

И от его ответа по моей спине побежали мурашки.

Мы опаздывали на работу, но инструктора, кажется, это не беспокоило. Он закурил еще одну сигарету, и некоторое время мы молча смотрели на бесконечные ряды садков, в которых плескалась похожая на настоящую рыба. Наблюдали за автоматическими дозаторами, которые беспрестанно сновали по направляющим, высыпая в садки патентованную смесь от «Aqua Enterprise», и смотрели на воду вокруг фермы, которая давным-давно потеряла цвет морской волны.

А когда он докурил, я задал последний вопрос:

— Что происходит?

И мой собеседник ответил предельно доходчиво:

— Мы катимся в ад.

Из дневника Бенджамина «Орка» Орсона

data set primus BLITZED¹

¹Под действием наркотиков (*сленг.*).

RBC: «В настоящее время расположенный неподалеку от Тбилиси Центр общественного здоровья полностью блокирован частями специального назначения джорджианской армии, объявлена тотальная эвакуация местных жителей. По непроверенным данным, военные уничтожают домашний скот и птицу. Тем не менее научный руководитель Центра доктор Дастин Чемберлен уже заявил, что оснований для беспокойства нет и тревога вызвана случайным сбоем в системе оповещения о чрезвычайных ситуациях, в результате чего было решено провести внеплановые учения...»

RT: «GS полностью засекретила информацию из Центра Лугара в Джорджии. Лабораторный комплекс блокирован, сотрудники помещены в карантин, а на территории развернут полевой лагерь WHO¹, охрану которого осуществляют офицеры специального подразделения GS. Единственное официальное объяснение, прозвучавшее за истекшие сутки: внеплановые учения по предотвращению чрезвычайной ситуации. Однако наблюдатели предполагают, что в Центре Лугара действительно произошла утечка опасных биологических материалов...»

LeikaLook: «Будем откровенны: правду нам не скажут. Может, в Центре Лугара и в самом деле произошла катастрофа, может, они, как и заявили, решили проверить систему безопасности, но я рад, что опасные биологические лаборатории размещаются не в той Джорджии, которая нам близка, а на краю света...»

¹World Health Organization.

**Berlin, Stuttgarter Platz
(Charlottenburg-Wilmersdorf)**

Существуют тысячи примеров того, как благополучные и респектабельные районы превращались в переполненные наркотой и насилием трущобы, но нужно крепко постараться, чтобы вспомнить обратную историю. Преступность — это рак: схватывает намертво, пуская метастазы повсюду, куда может дотянуться, а уходит в редчайших случаях, уходит тяжело и неохотно, не желая отдавать загубленное и норовя вернуться. Но чудеса случаются, и Штутгартская площадь, испортившаяся в самом начале XXI века и долго считавшаяся местом крайне опасным, лишь условно находящимся под властью закона, вновь стала обретать репутацию относительно нормального района.

Раньше местные обитатели хорошо умели обманывать полицию и скрывать свои делишки от патрулей и многочисленных видеокамер. А иногда не скрывали, крушили автомобили и грабили неосмотрительных прохожих прямо перед равнодушными объективами и даже на виду у патрульных дронов — в то время они имели право лишь вести наблюдение и фиксировать подозреваемых. В те годы обитатели Штутгартской площади действовали нагло, демонстрируя, что власть — это сила, и никак иначе.

Но ситуация изменилась.

Нет, власть — это по-прежнему сила, и никак иначе, но Берлин, как и все крупные города, оказался застроен гигантскими, напоминающими изъеденные червями скалы, MRB¹, и благодаря им Шарлоттенбург стал напоминать если не благополучный район, то старающийся таковым выглядеть: бетонные громады, линии метро, не сильно разбитые дороги и редкие зеленые островки малюсеньких парков. Здесь перестали убивать среди бела дня, во всяком случае на виду у всех, из повадок жителей исчезла настороженность, и стали редкостью разбитые окна и витрины. Шарлоттенбург вырвался из бездны, вернулся в мир среднего класса, но следы

¹ Multipurpose Residential Building.

некрасивого прошлого нет-нет да показывались. Они были хорошо видны опытному глазу, особенно на местном рынке, где Карифа молниеносно вычислила дилеров и даже определила, что именно они поставляют.

Справа от кальянной торговал длинный и очень худой Баскетболист — так окрестила его про себя агент Амин. Судя по цвету кожи, мулат во втором поколении, улыбчивый балабол, отпускающий клиентам не только товар, но и шутки. К нему спешили подростки — игроманы, закидывающиеся расширяющим сознание «лепестком». Под маркизой мясной лавки прятался Сапожник — толстый араб, расположившийся в раритетном кресле уличного чистильщика обуви. Сапожник без умолку болтал по телефону и продавал модные «синтетика» для вейпов — его клиенты в обязательном порядке изучали распечатанное на картонке меню, иногда спорили между собой, иногда обращались за советом и делали заказ лишь после долгих раздумий. Тяжелыми наркотиками торговали в глубине рынка, Карифа видела бредущих туда торчков, но проследить конечную точку их маршрута не смогла. Да и не особенно стремилась, если честно, поскольку ее отряд прибыл сюда не в рейд, а за информацией, и агент не собиралась привлекать к себе внимание. Особенно — внимание жилистых ребят в полубронированном пикапе на мощном бензиновом двигателе, зорко следящих за соблюдением порядка: Шарлоттенбург контролировала сомалийская MS¹ «Sons of Darod», связываться с которой не рисковали даже лютые бедуины из Шпандау.

К счастью, пикап стоял далеко от переулка, в котором остановилась Карифа, и сомалийцы то ли не заметили, то ли поленились проверить трех миролюбивых мотоциклистов. Один из которых, к тому же, успел добежать до ближайшего ларька и купить кебаб навынос.

— Почему эта улица называется площадью? — неожиданно спросила Рейган — плотная красноволосая девица, трижды сломанный нос которой не смогли выправить даже лучшие пластические хирурги GS.

Рейган предпочитала свободную одежду: брюки-карго, мягкие ботинки, футболку и короткую куртку, под которой

¹ MS — Munichal Security, частная охранная служба.

пряталось оружие. Не простую куртку, как могло показаться несведущему человеку, а тактическую, с защитными вставками, ловко замаскированными под декоративные, — это «украшение» не пробивали ни нож, ни подавляющее большинство боеприпасов. Рейган легко могла сойти и за члена незаконной уличной банды, и за сотрудника законного MS, что было идеально для агента под прикрытием.

— Почему площадь?

— Это историческое название, — произнес Филип Паркер, оператор, обеспечивающий техническое сопровождение группы. Он много читал, и агенты считали его всезнайкой.

Паркер пребывал в штаб-квартире GS и присутствовал в разговоре незримо, в качестве голоса из вживленного в среднее ухо динамика, но благодаря дронам и бесчисленным камерам видел происходящее едва ли не лучше агентов.

— Я хочу знать, откуда взялось название, — упрямо продолжила Рейган.

— Какая тебе разница: улица или площадь? — ворчливо поинтересовался Захар, дожевывая резко пахнущий кебаб. Продавец положил слишком много соуса, и, откусывая его, русский тихонько ругался, опасаясь испачкать мотоцикл или штаны.

— Стало интересно.

— Что стало интересно?

— Почему улицу называли площадью, — терпеливо объяснила Рейган.

— Какая разница? — повторил удивленный Захар.

— Улица длинная, а площадь — большая.

— И что?

— Они не похожи.

— А должны?

Несколько секунд Рейган внимательно смотрела партнеру в глаза, в смысле — в smartverre, поскольку Захар предпочитал зеркальные стекла, после чего уточнила:

— Тебя когда последний раз называли идиотом?

— Живые люди? — уточнил русский.

— Почему спрашиваешь?

— Потому что последний человек, который так меня называл, почти сразу стал мертвым.

— Поскользнулся и упал с крыши?

- Нет, мы были в баре.
- Подавился чем-то?
- Проглотил бутылку.
- Да ты настоящий фокусник.

Карифа заметила, что Захар начал злиться, и лениво предложила:

- Поговорите о чем-нибудь другом.
- О чем?
- О чем угодно, только без драки.

Захар хмыкнул, доел кебаб и отнес грязные салфетки в воняющий неподалеку мусорный бак, чем четко дал понять, что не является местным жителем, предпочитающим бросать обертки и объедки под ноги.

Захар был настоящим, совсем как в кино, рыцарем: высоким, крепким, мускулистым и красивым естественной мужественной красотой, заставляющей учащенно биться романтические сердца. С такими данными он должен был стать или актером, или альфонсом, но чудеса случаются не только с преобразованием районов, и прелестный юноша оказался в армии, а затем — в GS, проявил себя великолепным полевым агентом и перевелся в спецназ Оперативного управления. Его единственным недостатком была вспыльчивость, но Захар умел сдерживать эмоции, и короткого замечания Карифы оказалось достаточно, чтобы он взял себя в руки.

Рейган тоже замолчала, но после недлинной паузы неожиданно спросила:

- Вас не раздражают улыбки? — и кивнула на толпу.

Захар и Карифа дружно повернули головы, пытаясь понять, что именно привлекло внимание Рейган, после чего синхронно ответили:

- Нет.
- Люди как люди.
- Все улыбаются, — добавил Паркер.
- Они постоянно улыбаются, — уточнила красноволосая, стараясь, чтобы голос звучал ровно.
- И что? — не поняла Карифа.
- Достали.
- Забей, — предложил Захар.
- Давно забила.